

ПЪВЕЦЪ СУМЕРЕЧНЫХЪ ДНЕЙ.

Сегодня 10 лѣтъ со дня кончины А. П. Чехова

КЛЮЧКИ ВОСПОМИНИ

Въ 1885 г., когда я работалъ въ «Новостяхъ Дня», мнѣ передали о желаніи Чехова познакомиться со мной, какъ съ авторомъ стиховъ, которые помещались мной въ этой газетѣ почти ежедневно.

А. П. жилъ тогда на Срѣтенкѣ вмѣстѣ съ семьей, въ довольно скромно обставленной квартирѣ.

Молодой, цвѣтущій, съ маленькой бородкой и ласковыми прищуренными глазами, вышелъ ко мнѣ А. П., крѣпко пожалъ руку и повелъ знакомить со своими домашними. И какимъ-то тепломъ и лаской повѣяло на меня отъ этой милой семьи... Тутъ тогда былъ и

братъ А. П., Николай Павловичъ, художникъ, на котораго роковой недугъ уже тогда началъ накладывать свою печать и который умеръ черезъ 6—7 лѣтъ послѣ нашего перваго знакомства.

Съ тѣхъ поръ я сталъ частымъ гостемъ Антона Павловича. Это былъ удивительной доброты человекъ. Онъ то и дѣло предлагалъ мнѣ:

— Хотите, я устрою васъ въ «Будильникъ»? Хотите, я напишу Лейкуну?

И, дѣйствительно: и писалъ, и «устраивалъ», и «вводилъ» меня въ новыя редакціи.

Скоро Чеховы переехали на другую квартиру, на Кудринской-Садовой. У Антона Павловича здѣсь, внизу, былъ громадный кабинетъ, сплошь уставленный по стѣнамъ полками съ книгами.

Какъ часто мы проводили здѣсь долгіе зимніе вечера! На рабочемъ столѣ А. П. горитъ лампа подъ зеленымъ абажуромъ, углы кабинета тонуть въ таинственномъ полумракѣ. Марья Павловна, стройная, изящная, приноситъ намъ сверху чай съ сухариками. Сидимъ, разговариваемъ или А. П. пишетъ, предварительно сообщивъ мнѣ:

— Завтра среда,—долженъ отправлять срочный рассказъ въ «Осколки»!

Въ этой квартирѣ А. П. началъ писать свое первое большое произведение: «Степь». Писалъ онъ на большихъ листахъ писчей бумаги, писалъ очень медленно, отрывался часто отъ работы, мѣняя большими шагами кабинетъ. Прихожу какъ-то вечеромъ къ А. П., смотрю: на письменномъ столѣ листъ исписанъ только наполовину, а самъ А. П., засунувъ руки въ карманы, шагаетъ по кабинету.

— Вотъ никакъ не могу схватить картину грозы! Застрялъ на этомъ мѣстѣ!

Черезъ недѣлю я опять былъ у него, и опять тотъ же наполовину исписанный листъ на столѣ.

— Что же, написали грозу?—спрашиваю у А. П.

— Какъ видите, нѣтъ еще. Никакъ подходящихъ красокъ не найду.

И всѣ, кто читалъ «Степь», знаютъ теперь, какія «подходящія краски» нашелъ Антонъ Павловичъ для описанія грозы въ степи.

Помню, однажды «въ минуту жизни трудную» я обратился къ А. П. за матеріальной помощью. Онъ вскинулъ на меня добрые, ясные глаза, вынулъ изъ ящика письменнаго стола запис-

ную книжку и протянул мнѣ:

— Голубчикъ, посмотрите, сколько я забралъ вездѣ авансовъ, а самъ сiju безъ сантима... Вотъ обѣщали выслать, — тогда, не сомнѣвайтесь, помогу... Часто зимними вечерами, мы ѣздили изъ Кудрина на Николаевскій вокзалъ къ скорому поѣзду: Антону Павловичу надо было отпраивлять «срочный разсказъ» Лейкину или Суворину...

Бѣжали годы. «А. Чехонте» превратился въ «Антонъ Чехова», а здоровье уже расшатывалось, и писатель переселился на житье въ Ялту... Тамъ встрѣтился я съ нимъ послѣ 8-лѣтняго антракта... Это было въ 1900 году.

Больной, я пріѣхалъ въ Ялту и, конечно, отправился въ Аутку, на дачу къ Антону Павловичу. Бѣлая дача А. П. — въ концѣ пыльной Аутки, на сбѣгающемъ книзу обрывѣ...

И вотъ я опять жму руку дорогого писателя, и сердце сжимается болью: какъ онъ измѣнился, какъ постарѣлъ! Сѣдой, изможденный, согнувшійся... Но все та же обаятельная улыбка, все тѣ же добрые, слегка прищуренные «чеховскіе» глаза...

Мы сидѣли въ уютномъ кабинетѣ, залитомъ яркимъ южнымъ солнцемъ...

Я заговорилъ о тѣхъ 75,000, которые А. П. получилъ отъ Маркса за свои сочиненія... А. П. грустно улыбнулся:

— Да, посидѣли... продешевилъ... У меня уже ничего не осталось отъ этихъ денегъ!..

Въ Ялтѣ мы видѣлись каждый день. Обыкновенно часовъ въ 12 дня А. П. самъ заходилъ на почту, а оттуда непременно заворачивалъ въ книжный магазинъ Синани, на набережной. Обаяніе личности Чехова въ Ялтѣ было такъ велико, что передъ нимъ на улицѣ снимали шляпу совершенно незнакомые люди, а онъ страшно при этомъ конфузился. Но часто назойливымъ приставаніемъ ему причиняли прямо страданія. Помню такой случай:

Сидимъ мы на скамеечкѣ въ Александровскомъ скверѣ, разговариваемъ, смотримъ на морской просторъ... Мимо проходитъ какой-то студентикъ съ двумя барышнями. Увидавъ писателя, онъ о чемъ-то шушукается съ своими спутницами, потомъ быстро

подходить къ Чехову, снимаетъ фуражку и спрашиваетъ:

— Вы—Чеховъ?..

— Да, я!..—растерянно отвѣчаетъ А. П.

— Больше мнѣ ничего не нужно!.. И я видѣлъ, какъ краска залила блѣдныя щеки Чехова.

— Какъ неделикатно и назойливо!..—прошенталь онъ мнѣ.

Какъ-то я свалился и лежалъ совершенно одинъ въ своей маленькой комнатѣ, которую я снималъ въ Зарѣчьи, за Пушкинскимъ бульваромъ. Тоска по оставленнымъ далеко близкимъ людямъ, сознаніе полного одиночества и безпомощности...

Вдругъ слышу по лѣстницѣ чьи-то шаги, отворяется дверь и просовывается голова Чехова въ ленснѣ и шляпѣ... Словно лучъ солнца ворвался ко мнѣ,—такъ я обрадовался... Я хотѣлъ привстать.

— Лежите, лежите!—схватили меня за плечи Чеховъ и сѣлъ у моей кровати.

— Что?.. Опять развинтились?..

— Да, нехорошо. Вотъ третій день валяюсь...

— Очень вы ужъ нѣжно воспитаны, вотъ что... Привыкли, чтобы за вами ухаживали дома... Ахъ, ужъ эти женатые люди!.. А вы вотъ что... Ложитесь головой пониже, а ноги держите повыше... А встанете—ходите на набережную и сидите у моря цѣлыми часами... сидите и смотрите... Это—лучшее лѣкарство... Я вамъ пришлю сестру милосердія изъ общины...

И, дѣйствительно, въ тотъ же вечеръ прислалъ. А черезъ два дня, слѣдуя совѣту, я уже сидѣлъ на набережной... Вижу, идетъ Чеховъ и еще издали мнѣ улыбается...

— Сидите?..

— Сiju...

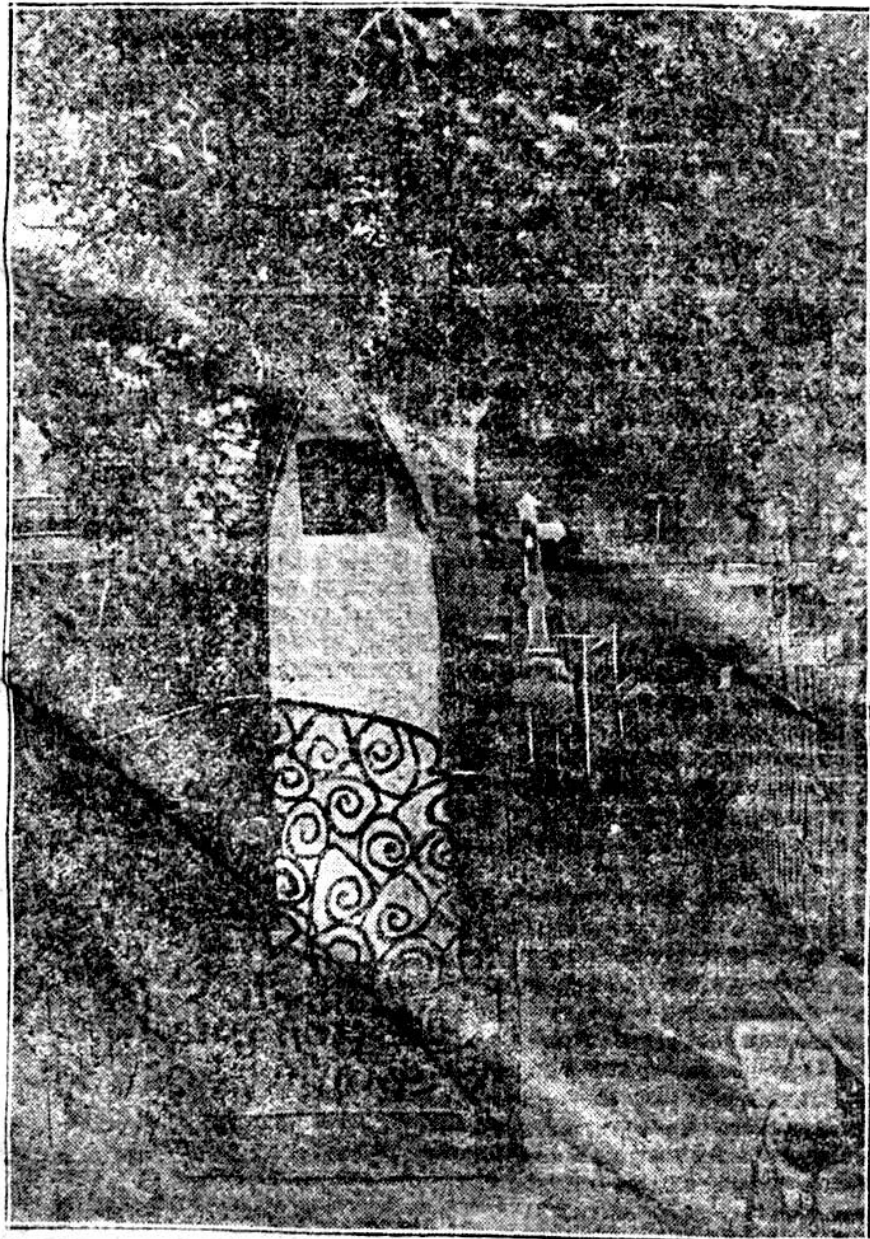
— Ну вотъ и отлично.. И я съ вами посижу...

Когда я уѣзжалъ изъ Ялты, Чеховъ подарилъ мнѣ свой послѣдній портретъ съ теплой надписью... Какъ я былъ тогда далекъ отъ мысли, что это для меня уже его послѣдній «посмертный» автографъ.

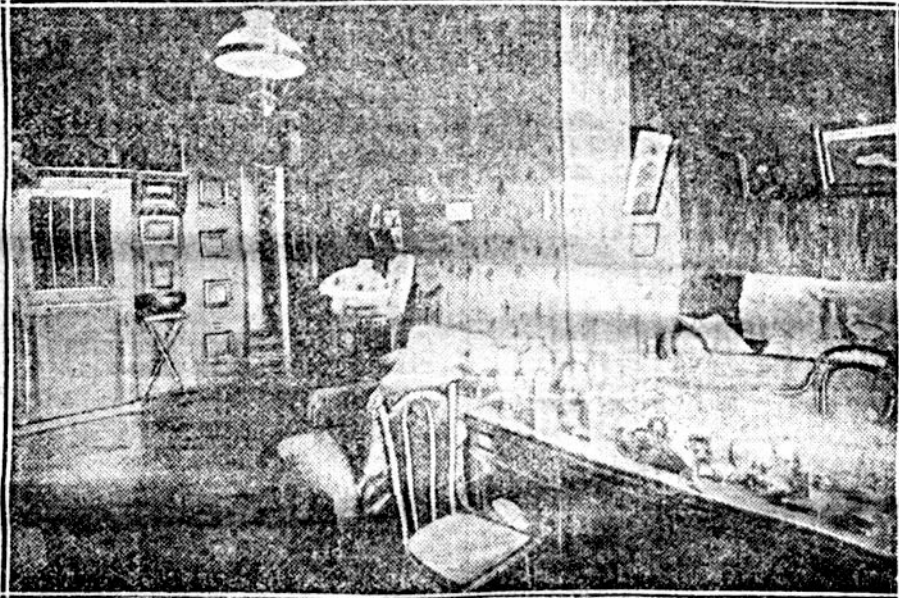
Р. А. МЕНДЕЛЕВИЧЪ.

А. П. ЧЕХОВЪ.

Могила А. П. Чехова въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Кабинетъ А. П. Чехова на его дачѣ, въ Ялтѣ.

ДОКТОРЪ Д. П. ЧЕХОВЪ

Эта вывѣска появилась на дверяхъ у Чехова въ д. Елецкаго, по В. Головину пер. (Срѣтенка) въ концѣ 1884 года.

По словамъ брата покойнаго писателя, однажды Антона Павловича пригласили къ проживавшему на Зубовскомъ бульварѣ семейству художника Янова, который былъ его пріятелемъ.

Тамъ заболѣла тифомъ мать, а затѣмъ и три взрослыхъ дочери.

Мать скончалась.

Умерла и одна изъ дочерей.

Передъ смертью она схватила Чехова за руку и такъ, не выпуская ея, отошла.

Подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ отъ этого случая Антонъ Павловичъ снялъ вывѣску, и съ тѣхъ поръ ея у него не было никогда.

9 июля

Добрый вечер! Как же вы
зд! Прежде чем поздравить
победителя, надо же показать
и внимание, которое я держу
относительно.

Здоровье мое хорошо налажено
то, что я могу работать
и выходя из дому даже в
другую погоду. Ноги все еще
совершенно здоровы.

Сестра моя переживает о
мне, что вы приедете
вас на похороны моего
отца, и я могу же сказать
по победителю, а
после благодарю! Это
мне

Мне хотелось бы написать
вам письмо, вместе с тем
свои фотографии, но сейчас

мне нужно идти к врачу
на один карман. Если
скажет в Санкт-Петербург, то при
мне
Женя Васильев - Паша
сильно здоров и все же
комар

Ураганский Васильев

Письмо А. П. Чехова С. И. Бычкову.

Комментарий

...брат А.П., Николай Павлович, художник... который умер через 6-7 лет после нашего первого знакомства. — Николай Павлович умер от туберкулеза 17 [29] июня 1889 г.

Лейкин Николай Александрович (1841–1906) – писатель, журналист и издатель. Совместно с Р. Р. Голике в 1882—1905 гг. был редактором-издателем юмористического еженедельника «Осколки» в Санкт-Петербурге. Привлек к сотрудничеству в «Осколках» Чехова.

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – журналист, издатель, писатель, критик, драматург. В 1876–1912 гг. издатель газеты «Новое время».